

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/YKOCKH>
УДК 82.0 + 821.581.0
ББК 83 + 83.3(5Кит)

ПЕРЕВОД И ВОСПРИЯТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАСЛЕДИЯ М.М. БАХТИНА В КИТАЕ

© 2026 г. Ван Хунъюань

Пекинский университет, Пекин, КНР

Дата поступления статьи: 13 февраля 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 01 марта 2026 г.

Дата публикации: 25 июня 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-40-61>

Аннотация: Статья посвящена исследованию рецепции зарубежных бахтиноведческих исследований в китайской академической среде. Под «зарубежными» подразумеваются исследования, проводимые в странах за исключением Китая и России. Во второй половине XX в. теории Бахтина, такие как диалогизм, полифония и карнавал, стремительно получили популярность в международном академическом сообществе, став важными инструментами анализа романа, культуры и социальной критики. Китайское бахтиноведение также пережило бурное развитие за последние сорок с лишним лет, причем важную роль в этом процессе сыграли перевод зарубежных исследований и постоянный диалог с иностранными учеными. В данной статье рассматриваются общие тенденции и особенности зарубежного бахтиноведения с точки зрения китайских ученых, изучаются переведенные в Китае труды зарубежных бахтиноведов, а также исследуется значение и трудности этого межкультурного теоретического диалога. Разнообразные переводческие проекты, с одной стороны, способствовали систематическому осмыслению бахтинского наследия, а с другой — открыли китайским исследователям возможность не только ознакомиться с интерпретациями теорий Бахтина, предложенными учеными из разных стран (США, Франции, Великобритании, Японии и др.), но и в процессе заимствования этих идей искать инновационные подходы, что позволило им выстроить собственную теоретическую конструкцию, основанную на многогранности бахтинского наследия.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, бахтиноведение, диалогизм, перевод, межкультурный диалог

Информация об авторе: Ван Хунъюань — кандидат филологических наук, ассистент-профессор, Пекинский университет, ул. Ихэюань, д. 5, 100871 г. Пекин, КНР.
<https://orcid.org/0000-0001-8165-7028>

E-mail: cnhywang@yandex.ru

Для цитирования: Ван Хунъюань. Перевод и восприятие зарубежных исследований наследия М.М. Бахтина в Китае // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 2. С. 40–61.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-40-61>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 2, 2026

TRANSLATION AND RECEPTION OF FOREIGN STUDIES ON MIKHAIL BAKHTIN'S LEGACY IN CHINA

© 2026. Wang Hongyuan

Peking University, Beijing, PRC

Received: February 13, 2025

Approved after reviewing: March 01, 2026

Date of publication: June 25, 2026

Abstract: The article is devoted to the study of the reception of foreign Bakhtinian research in the Chinese academic community. The term “foreign” refers to research conducted in countries other than China and Russia. In the second half of the 20th century, Bakhtin's theories, such as dialogism, polyphony, and the carnival, rapidly gained popularity in the international academic community, becoming important tools for analyzing the novel, culture, and social critique. Chinese Bakhtinian studies also underwent rapid development over the past forty years, with the translation of foreign research and continuous dialogue with foreign scholars playing an important role in this process. This article examines the general trends and features of foreign Bakhtinian studies from the perspective of Chinese scholars, explores translated works of foreign Bakhtinians in China, and analyzes the significance and challenges of this intercultural theoretical dialogue. Various translation projects, on the one hand, contributed to the systematic understanding of Bakhtin's legacy, and on the other, opened up opportunities for Chinese scholars not only to familiarize themselves with the interpretations of Bakhtin's theories offered by scholars from different countries (the USA, France, the UK, Japan, etc.), but also, through the process of borrowing these ideas, to seek innovative approaches. This enabled them to construct their own theoretical framework based on the multifaceted nature of Bakhtin's legacy.

Keywords: M.M. Bakhtin, Bakhtinian studies, dialogism, translation, intercultural dialogue

Information about the author: Wang Hongyuan, PhD in Philology, Assistant Professor, Peking University, Yiheyuan Road, 5, 100871 Beijing, P.R. China.
<https://orcid.org/0000-0001-8165-7028>

E-mail: cnhywang@yandex.ru

For citation: Wang, Hongyuan. “Translation and Reception of Foreign Studies on Mikhail Bakhtin's Legacy in China.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 2, 2026, pp. 40–61.
(In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-40-61>

1. Введение

История китайского бахтиноведения насчитывает уже более 40 лет. За этот период оно претерпело стремительное развитие: от публикации «Полного собрания сочинений Бахтина» [18] до систематического и организованного исследования его идей, междисциплинарных подходов — достигнутые результаты очевидны.

Однако до 1980-х гг. идеи Бахтина, как и западные философские и литературоведческие концепции, оставались мало распространены среди китайских ученых. Лишь в начале 1980-х гг. Ся Чжунъи опубликовал перевод первой части работы Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» в китайском журнале «Мировая литература», сопроводив его собственной статьей «“Записки из подполья” Достоевского и проблема полифонической структуры романа». В этой статье он подытожил ключевую характеристику реализма Достоевского в интерпретации Бахтина и отметил: «Взгляд Бахтина отличается оригинальностью, но вызывает немало споров. Это крайне интересная тема для исследования не только в рамках изучения Достоевского, но и в контексте общего литературоведения, особенно в анализе романа как жанра» [8, с. 114].

Примерно в то же время была опубликована еще одна статья, сыгравшая важную роль в становлении бахтиноведения в Китае, — работа Цянь Чжунвэня «Полифонический роман и его теоретические проблемы: один из аспектов бахтинской нарратологии» [7]. Таким образом, первоначальное знакомство китайской научной среды с Бахтиным произошло через его исследования творчества Достоевского. Обе статьи сосредоточены на анализе специфики поэтики Достоевского в бахтинской интерпретации и не затрагивают

зарубежные бахтиноведческие исследования. Между тем в Европе и США дискуссии о теориях Бахтина уже велись в полном разгаре. Как позже писал Цянь Чжунвэнь, «с середины 1960-х гг. по 1982 г. в разных странах было опубликовано около 120 исследований, посвященных идеям Бахтина» [18, т. 1, с. 2].

Именно из-за того, что восприятие теории в Китае отличается по времени и основам исследования от академической среды за рубежом, процесс вхождения бахтинского учения в Китай шел по нескольким направлениям одновременно — как напрямую, так и опосредованно, во многом опираясь на достижения зарубежного бахтиноведения и развивая их.

В данной статье под «зарубежными исследованиями» понимаются труды, созданные за пределами Китая и России. Исследования Бахтина, а также обсуждение, заимствование и расширение его теории в зарубежной гуманитарной науке (и не только) играют значительную роль в процессе становления бахтиноведения в Китае.

2. Зарубежное бахтиноведение в восприятии китайских ученых

Прежде всего, история рецепции бахтинского наследия за рубежом предоставила китайским исследователям методологические ориентиры и помогла структурировать внутренние связи между различными аспектами его идей.

В китайском бахтиноведении широко распространено представление о «трех открытиях Бахтина» на международной арене. Эта схема была детально изложена Цянь Чжунвэнем во введении к китайскому собранию сочинений Бахтина [18, т. 1, с. 2–8]. Разделение на этапы позволило проследить путь Бахтина от советской научной среды к мировой академической сцене, а также стало основой для периодизации международного бахтиноведения, истории рецепции Бахтина и его влияния на западную литературную теорию. Китайский бахтиновед Лин Цзяньхоу в монографии «Философская мысль Бахтина и метод анализа текста» кратко обобщил эти три этапа [2, с. 2]:

Первое открытие (конец 1950-х – начало 1960-х гг.): после более чем 30-летнего забвения имя Бахтина снова появилось в советской печати. Примечательно, что первыми, кто заговорил о нем, были бывшие оппоненты — формалисты Шкловский и Виноградов.

Второе открытие (конец 1960-х – начало 1970-х гг.): работы Бахтина начинают активно переводиться в Италии и Франции. Парижская структуралистская и семиотическая школы оказали значительное влияние на его рецепцию, а болгарская исследовательница Ю. Крестева в 1966 г. представила доклад о бахтинской литературной теории на семинаре Р. Барта. В следующем году она опубликовала статью «Бахтин: слово, диалог и роман», став первой, кто ввел бахтинскую мысль в западную теорию.

Третье открытие (начало 1980-х гг.): «бахтинский бум» в США и Великобритании. Журналы *Slavic and East European Journal* и *Critical Inquiry* посвящали ему специальные выпуски.

С этого момента бахтиноведение оформляется в самостоятельную дисциплину с регулярными международными конференциями, специализированными научными центрами и периодическими изданиями.

Особую роль играет Центр Бахтина в Университете Шеффилда, основанный в 1994 г. Целью Центра было содействие мульти- и междисциплинарным исследованиям творчества Бахтина и его круга, а также смежных областей культурной, критической, лингвистической и литературной теории. С 1998 по 2001 г. Центр Бахтина издавал журнал «Диалогизм» (*Dialogism*)¹.

Название журнала Центра восходит к термину, предложенному Майклом Холквистом в 1990 г. Этот термин обозначает ключевое понятие философии Бахтина, подчеркивающее диалогическую природу мышления. В книге «Диалогизм: Бахтин и его мир» [14] Холквист поясняет, что то, что называют философией Бахтина, представляет собой гносеологию, предметом которой является прагматика. Это одна из современных эпистемологических теорий, стремящаяся понять человеческое поведение через призму языкового взаимодействия. Бахтинское фундаментальное представление о языке как диалоге определяет его особый статус в этих эпистемологических построениях. Чтобы выразить эту основополагающую мысль Бахтина, Холквист сознательно использует термин “dialogism”. Этот концепт можно конкретизировать как философию языка диалога или гуманитарную методологию познания через диалог [2, с. 19].

¹ См.: сайт центра. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/russian/bakhtin> (дата обращения: 12.02.2025).

Чжоу Цичао, рассматривая развитие бахтиноведения с точки зрения его межкультурного пути, подобным образом выделяет важные вехи в формировании международного бахтиноведения. Он придает особое значение 1983 г., называя его «международным годом Бахтина»:

Если в 1960–1970-е гг. бахтинская теория пережила свое первое «открытие» — когда она вышла за пределы СССР и привлекла внимание французских структуралистов и постструктуралистов, а также итальянских семиотиков, — ее межкультурное путешествие оставалось лишь локальным явлением. А в 1980-е гг. бахтинская теория переживает второе «открытие»: теперь ее исследование развивается по множественным направлениям. Она уже не ограничивается Францией и Италией: она пересекает Атлантику и попадает в Северную Америку, проникает из континентальной Европы в Великобританию, а также движется на Восток. Это многостороннее путешествие уже становится почти глобальным. В результате бахтиноведение оформляется как специализированная область знания с широкой аудиторией, межкультурная, междисциплинарная и межкультурная, охватывающая обширное поле исследований, обладающая мощной продуктивностью [25, с. 3–4].

Именно в начале 1980-х гг. в китайской академической среде возникает интерес к Бахтину. В дальнейшем, в процессе заимствования и изучения западного бахтиноведения, китайские исследователи пытались обобщить основные методологические подходы западных ученых. Например, Му Е выделяет четыре метода в западном бахтиноведении [6]:

1) Структуралистский метод (Р. Якобсон, Ц. Тодоров) предполагает, что за изменяющимся теоретическим дискурсом Бахтина скрывается единая «глубинная структура».

2) Эмбриологический метод (К. Кларк, М. Холквист) основывается на фиксированной исходной точке и рассматривает все бахтинские труды как разные уровни анализа одной и той же проблемы.

3) Телеологический метод (М. Гардинер [12]) фокусируется на конечной цели, утверждая, что Бахтин стремился к созданию междисциплинарного метода изучения человеческой жизни.

4) Метод трансплантации либо сравнивает бахтинские концепты (о дискурсе, сознании, идеологии, поэтике) с аналогичными явлениями

в других областях, либо применяет их напрямую к изучению иных культурных и идеологических процессов.

В отличие от методологических классификаций Му Е, Мэй Лань анализирует ключевые проблемные вопросы, волнующие западных исследователей Бахтина к концу XX в. [5]:

1) Бахтин — критик или теоретик? Несмотря на междисциплинарность бахтиноведения, совмещение этих ролей остается вызовом для исследователей.

2) Является ли бахтинская теория фрагментарной или обладает внутренним единством? Вопрос связан с тем, что различные теоретические школы заимствуют бахтинские концепции в отрыве от их целостного контекста: способствует ли это «возрождению» бахтинской теории или же нивелирует ее внутреннюю систему?

3) Каковы отношения Бахтина с марксизмом?

4) Как связаны бахтинская теория и культурные исследования?

5) Взаимоотношения Бахтина и постмодернизма.

6) Исследование карнавализации и массовой культуры.

7) Исследования жанровой поэтики.

Упоминание Мэй Лань о постмодернизме остается актуальным и сегодня. Она отмечает: «Бахтинская диалогическая теория разрушает традиционную оппозицию субъекта и объекта, выявляя ценность пустот, децентрации, случайности и неофициальности, а также исследуя взаимодействие различных знаковых систем и многообразие культурных форм. Это предвосхищает беспрецедентную многокультурную картину, возникшую в эпоху глобализации». Однако различия между Бахтиным и постмодернизмом столь же значительны, как и их сходства: во многих аспектах их позиции кажутся схожими лишь на первый взгляд [5, с. 120].

Влияние бахтинской мысли на мировую гуманитарную науку столь значительно, что бахтиноведение как отдельная дисциплина включает в себя чрезвычайно широкий спектр знаний и идей. Бахтин вошел в китайскую научную среду не один, а в сопровождении множества зарубежных интерпретаций. Исследователи приходят к Бахтину через разные темы — будь то полифония и романная поэтика, интертекстуальность и интермедialность, — и таких «входов» бесчисленное множество. Западное бахтиноведение постоянно смещало свои акценты: от работ о Рабле и карнавале

к исследованиям Достоевского и диалогизма, затем к изучению ранних философских текстов Бахтина. Все эти этапы предоставляют китайским исследователям систематическую и концептуальную базу.

Кроме того, китайские ученые изучают рассеянное влияние Бахтина на современную литературную теорию. Например, Цзэн Цзюнь посвятил монографию «бродящему призраку Бахтина» в западной теории — от Кристевой и Тодорова до феминистской критики и нарратологии [9].

Примером этого является его теория романа, которая оказывает глубокое и длительное воздействие на Западе. Как отмечает Лин Цзяньхоу, на фоне нехватки выдающихся работ по теории романа до 1980-х гг. английский перевод сборника русскоязычных трудов Бахтина по теории романа вскоре вызвал огромный интерес в академической среде Европы и Америки. Его идеи в той или иной степени повлияли на такие теоретические направления, как нарратология, Йельская школа деконструктивизма², рецептивная эстетика, постколониальная теория, новая историческая наука и другие [1, с. 190].

Одним из проявлений такого влияния является британский писатель и литературный критик Дэвид Лодж. В 2006 г. была опубликована монография Ло Ижуня «На пути к диалогу» [4], в которой использована теория диалогизма Бахтина для обсуждения теории и творчества Лоджа. В дальнейшем он также стал редактором и составителем сборника «Критические труды Дэвида Лоджа» [23], который включает часть содержания его работы «После Бахтина» [16]. Ло Ижун отметил, что «Лодж увидел в бахтинской теории диалога надежду на выход современной литературной теории из тупика постмодернистского саморазрушения, отрыва от литературы как таковой» [4, с. 206], добавив, что роман Лоджа 1984 г. «Маленький мир» является продуктом «после Бахтина»: концепции Бахтина о карнавальной культуре, о языке и о диалогической природе романа стали душой этого произведения [4, с. 205].

В китайской академической среде, как отмечает Цзэн Цзюнь, новая волна западных теорий (т. е. активное внедрение новых западных теорий) в конце XX в. стала важным интеллектуальным и культурным фоном для изучения истории рецепции Бахтина. Исследование истории рецепции Бахти-

² Йельский университет (США) признан нежелательной организацией на территории РФ.

на как частного случая позволяет выявить закономерности трансформации китайского литературоведческого дискурса под влиянием западных теорий, что способствует лучшему пониманию других явлений рецепции и выработке стратегий их осмысления. Кроме того, «в течение более чем ста лет процесс “распространения западных учений на Восток” был одним из важнейших культурных факторов, способствующих трансформации литературных концепций и научного дискурса в Китае. Изучение рецепции зарубежного литературоведческого дискурса в Китае поможет углубить понимание этих процессов и предложить конструктивные идеи для реконструкции китайской теории литературы и более эффективного диалога с мировым литературоведением» [10, с. 2–3].

3. Перевод зарубежных исследований о Бахтине

Как уже упоминалось выше, на рубеже веков в китайской бахтиноведческой среде появилось множество статей, обобщающих характер зарубежных исследований о Бахтине. Это свидетельствует о том, что после более чем десятилетнего стремительного развития китайское бахтиноведение, следуя за публикацией полного собрания сочинений Бахтина в 1998 г., стремилось к всестороннему освоению его наследия и поиску новых научных направлений.

Что касается перевода зарубежных исследований о Бахтине, то конец XX – начало XXI в. также стало важной отправной точкой. Хотя еще с начала 1980-х гг. в китайских гуманитарных журналах начали появляться отдельные статьи западных исследователей [10, с. 4], публикация научных монографий началась лишь на рубеже веков. За более чем тридцать лет, с 1992 г. по настоящее время, в Китае было переведено и издано несколько ключевых зарубежных монографий о Бахтине, приведенных ниже в хронологическом порядке по дате выхода китайского перевода.

1) «Михаил Бахтин», Катерина Кларк, Майкл Холквист [22].

(Перевод 1992, оригинал 1984)

Эта книга, вышедшая в 1984 г., стала первой зарубежной монографией о Бахтине, переведенной на китайский язык. Ее считают одной из основополагающих работ англоязычного бахтиноведения, а также первой относительно полной биографией Бахтина. В ней подробно рассмотрены

его жизнь и научные взгляды, и она сыграла ключевую роль во введении Бахтина в англоязычный академический мир, став важным источником для многих исследователей.

Для китайского бахтиноведения эта книга в определенной степени ознаменовала переход к более широкому взгляду на идеи Бахтина и их влияние. Китайские исследователи также вступили с ней в научный диалог. Например, Лю Кан в своей работе «Шум диалога — теории культурных трансформаций Бахтина» опирается на описанные Кларк и Холквистом события из жизни Бахтина, но придает его образу больше гуманистического измерения, соотнося его с общим положением китайских и российских интеллектуалов. Кроме того, в ряде конкретных вопросов (например, влияние православия на Бахтина, проблемы авторства его работ) Лю Кан предлагает свои интерпретации, избегая создания «святого» образа Бахтина, как это делали Кларк и Холквист [3, с. 34, 41].

2) «Бахтин, теория диалога и другое», Цветан Тодоров [28].

(Перевод 2001, оригинал 1981)

Если Юлия Кристева сыграла ключевую роль во введении идей Бахтина в европейскую научную среду и инициировала их широкое обсуждение, то Цветан Тодоров прежде всего способствовал распространению идей русского формализма во Франции и связал его со структурализмом. В течение долгого времени он рассматривался как структуралист, занимавшийся анализом литературы с точки зрения структуры и функций, нарратологии и других направлений.

Тодоров познакомился с идеями Бахтина еще в 1960–1970-х гг., но тогда его интерес к ним ограничивался проблематикой художественной формы. Однако с публикацией книги «Михаил Бахтин: принципы диалогизма» в 1981 г. его внимание к литературоведению начало ослабевать, уступая место исследованиям в области антропологии и культурологии. Иными словами, работа над этой книгой сопровождалась его переосмыслением и выходом за рамки структурализма.

Цзэн Цзюнь выделяет несколько ключевых особенностей восприятия Бахтина Тодоровым в этот период. Во-первых, Тодоров больше не ограничивался отдельными трудами или фрагментами мыслей Бахтина, а рассматривал их в целом, что усилило влияние Бахтина на его собствен-

ные взгляды. Во-вторых, концепция «диалогизма» становится для него центральной категорией, постепенно превращаясь в философскую теоретическую позицию. В-третьих, он стремится теоретизировать бахтинский диалогизм, превращая его в методологию для гуманитарных наук в целом [9, с. 132–135].

Тодоров, расширяя восприятие Бахтина, перевел ключевые аспекты его теории в более широкую философскую и методологическую плоскость, что оказало значительное влияние на гуманитарные науки. В этом и ключевое значение перевода и введения работ Тодорова в китайскую научную среду.

3) «Бахтин: диалог и карнавал», Китаока Сэйдзи [19].

(Перевод 2001, оригинал 1998)

Эта работа переносит наше внимание с Запада на Восток. Китаока Сэйдзи (1935–2019) был одним из ведущих японских исследователей Бахтина и нарратологии. Он изучал русский язык в Токийском университете иностранных языков, затем защитил диссертацию по сравнительной литературе и культуре в аспирантуре Токийского университета и специализировался на семиотике культуры. На момент написания книги он преподавал в Нарском женском университете, а до этого уже долгие годы занимался изучением и переводом Бахтина.

Нам эта работа показала японский подход к восприятию Бахтина и обогатила исследования его идей, особенно в отношении «карнавальности» как явления, обладающего подрывным и творческим потенциалом.

Китаока в книге отметил, что в Японии вплоть до 1995 г. не существовало комплексных исследований Бахтина, но при этом японские ученые одними из первых в мире выпустили полное собрание его сочинений [19, с. 389]. Благодаря этому мы узнали, что 8-томное собрание сочинений [29] вышло в Японии с 1979 по 1988 г., что не только отразило высокий интерес Японии к международным передовым гуманитарным теориям и ее чуткость к перспективным направлениям, но и способствовало раннему распространению и обсуждению идей Бахтина на глобальном уровне.

4) «Достоевский после Бахтина: Интерпретация фантастического реализма Достоевского», Малкольм Джонс [27].

(Перевод 2004, оригинал 1990)

Строго говоря, работа не относится к полноценному бахтиноведению, однако она позволяет нам проиллюстрировать место и роль новой парадигмы, созданной Бахтиным, в достоевистике. Нет необходимости подробно объяснять, что эта книга, несмотря на упоминание Бахтина в заглавии, является попыткой исследователя Достоевского отойти от бахтинского подхода, хотя и при активном его усвоении. Для автора — одного из основателей «Международного общества Достоевского» в 1971 г. и президента этого общества в 1995–1998 гг. — рассмотрение творчества Достоевского «после Бахтина» стало естественным продолжением его собственного исследовательского пути через бахтинскую парадигму — еще в 1976 г. он в своей работе «Достоевский: Роман раздора» [15] уделил особое внимание Бахтину и его теории карнавализации. Такой подход стал неизбежной задачей и для многих других достоевистов.

А как же Джонс трактует каноническое бахтинское прочтение поэтики Достоевского? Он утверждает, что Бахтин является неизбежной теоретической отправной точкой и что «ни одно из прочтений Достоевского, за исключением бахтинского, даже не приближается к адекватному осмыслению модернистских черт текста Достоевского». Однако при этом он подчеркивает: «бахтинская парадигма не объясняет все в Достоевском одинаково удовлетворительно; в некоторых случаях, как я должен постараться показать, есть очень важные пробелы, которые нужно исследовать, а также дополнения, которые следует внести в бахтинское прочтение» [27, с. 6].

Подход Джонса состоит в том, чтобы «рассматривать теорию Бахтина как теорию более высокого уровня, через которую связываются многие теории низшего уровня, при этом существенно не изменяя стратегии и средства, которыми каждая теория гордится» [27, с. 10].

Таким образом, особенность этой работы заключается в том, что, хотя объектом исследования не является сам Бахтин, она представляет собой образец критического использования бахтинских теоретических инструментов в анализе конкретных текстов. Наследование и вызов, представленные в книге, могут стать ценным источником научного вдохновения и методологического заимствования для китайской академической среды.

5) «Введение в Бахтина», Аластер Ренфрю [24].

(Перевод 2017, оригинал 2015)

Работа по переводу этого произведения после выхода оригинала была выполнена очень быстро. Автор, профессор Даремского университета, занимается литературоведением и теорией критики, опубликовал множество работ о Бахтине и русском формализме. Подготовленный им вместе с Галином Тихановым сборник «Критическая теория в России и на Западе» был переведен на китайский язык и издан в 2016 г. В нем представлены статьи на тему Бахтина, такие как «Воскрешение поэтики» Ренфрю [26, с. 1–35], «Достоевский, Толстой, Бахтин: искусство и бессмертие» Кэрил Эмерсон и Инессы Меджибовской [26, с. 36–62], а также «От пост- к прото-: Бахтин и будущее гуманитарных наук» Михаила Эпштейна [26, с. 234–263].

Интересно, что в оригинале книга называлась «Михаил Бахтин», но в Китае она вышла в серии «Введение в мыслителей и их идеи» и получила название «Введение в Бахтина». Такое переименование удачно соответствует четко выстроенной структуре и доступному изложению книги: Ренфрю начинает с вопросов «Почему Бахтин?» и «Кто такой Бахтин?» и предлагает китайским читателям широкую и детализированную теоретическую картину мира Бахтина.

В этой книге с академическим популяризаторским уклоном Ренфрю отмечает, что идеи Бахтина не могут существовать вне рамок литературы, но в то же время их переносимость также очевидна. Бахтин, который предоставляет мощный ресурс для литературных исследований, и Бахтин, стоящий на пересечении различных гуманитарных дисциплин, — это одно и то же лицо [24, с. 6]. Более того, его по сути философские идеи, их интерпретации и ассоциации раскрывают неизбежную судьбу разрушения границ между дисциплинами, а также возможность появления неконвенциональной гуманитарной науки [24, с. 25]. Включая этот взгляд, различные рассуждения книги представляют собой признанные в англоязычной академической среде идеи о Бахтине, предоставляя китайским читателям более актуальную, объективную и полную панораму.

6) «Интерпретация искусства: Бахтин», Дебора Хейнс [20].

(Перевод 2022, оригинал 2013)

Автор работы в конце XX в. опубликовала монографию «Бахтин и визуальное искусство» [13]. Это, возможно, первое специализированное исследование, посвященное связи между бахтинскими идеями и изобразительными искусствами, включая живопись и скульптуру. В книге анализируются четыре эстетические статьи Бахтина 1920-х гг.: «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», а также «Искусство и ответственность».

Хейнс подчеркивает внимание Бахтина к эстетическому измерению жизни — эта тема сохраняется и в ее последующих работах, а также в нынешней монографии. По ее мнению, один из ключевых вкладов Бахтина в современную эстетику, теорию искусства и историю искусства заключается в том, что он ясно обозначил необходимость связи искусства с жизнью: искусство ради искусства — это всего лишь ремесло, тогда как искусство, связанное с жизнью, демонстрирует созидательное видение художника и потенциал его голоса для преобразования мира [20, с. 11].

В этом и заключается более глубокое значение наследия Бахтина для нас. Его идеи открывают перед нами бесконечные размышления о способах жизни и смысле существования, не сводясь только к изучению художественных приемов и эстетических категорий, и проникают в более глубокие, сущностные сферы человеческой деятельности.

Помимо вышеперечисленных монографий, следует особо отметить серию книг «Бахтин в межкультурной перспективе» под редакцией Чжоу Цичао и Ван Цзяпина, которая включает следующие книги: «Российские ученые о М.М. Бахтине», «Западные ученые о М.М. Бахтине», «Китайские ученые о М.М. Бахтине», «М.М. Бахтин в диалоге», «М.М. Бахтин глазами современных ученых». Эта серия по принципу отбора статей напоминает российскую серию “Pro et Contra” (Русский путь): она не стремится к актуальности, а собирает наиболее значимые работы разных периодов, представляя читателям основные тексты в диахроническом разрезе.

Один из сборников, «Западные ученые о Бахтине» [25], включает 21 статью, написанные за более чем 40 лет, расположенные в хронологичес-

ком порядке — от работы Юлии Кристевой «Бахтин: слово, диалог и роман» (1967) до статьи немецкого исследователя Майи Соболевой «От феноменологии к философии языка — о Михаиле Бахтине» (2008). В сборнике также представлены пять обзорных статей, посвященных бахтиноведению во Франции, Германии, Италии, Великобритании и англоязычном мире.

А в книге «М.М. Бахтин глазами современных ученых» китайские читатели могут познакомиться с интервью, в которых Кристева и Эмерсон обсуждают Бахтина как центральную тему. Кристева упоминает драматическую критическую точку 1960-х гг., когда работы Бахтина вызвали большой резонанс на ее родине, в Болгарии, но во Франции и Европе еще не знали о его существовании. И именно она, представив доклад на семинаре, разорвала эту ситуацию [21, с. 169]. Эмерсон отмечает ценность Бахтина как неполитического мыслителя: он интересовался личностью и повседневной этикой, а не сводил человека к безличной единице системы; его привлекал роман как жанр в предмодернистской форме, поскольку он строился на мелких частицах повседневного опыта, которые проходят по неизведанным путям «большого времени», в то время как реальная жизнь продолжается, как самая длинная прозаическая повествовательная форма [21, с. 163].

Слова Эмерсон вновь очерчивают глубокий гуманизм Бахтина, присутствующий его теории, и подчеркивают, как форма интервью, в отличие от академических статей, позволяет передать читателю уникальное впечатление. Неофициальный, диалогичный формат интервью дает возможность респонденту более свободно выразить личное мнение и свои ощущения, что помогает более полно раскрыть образ исследователя как «человека». Через детализированные жизненные переживания и воспоминания читатели могут ощутить личность и эмоции, стоящие за их мыслями.

В предисловии к этим книгам Чжоу Цичао представляет четырехтомную английскую антологию «Михаил Бахтин» [17], подробно перечисляя шесть ключевых разделов и все включенные в нее статьи. В заключении он отмечает: «междисциплинарное влияние бахтинской теории уже повсюду, или, говоря иначе, интерпретация Бахтина в международном академическом сообществе приобрела действительно глобальный и бесконечно разнообразный характер» [25, с. 29].

Наконец, важными площадками для теоретических дискуссий являются международные конференции. Раздел «Академическая хроника» в ежегоднике «Зарубежное литературоведение и сравнительная поэтика» под редакцией Чжоу Цичао регулярно публикует обзоры Международных бахтинских конференций. В 2017 г. это знаменитое международное мероприятие прошло в Китае.

С 6 по 10 сентября в городе Шанхае состоялась 16-я *Международная Бахтинская конференция* на тему «Бахтин в постреволюционную эпоху», в которой приняли участие около 80 ученых из 20 стран. Конференция сыграла важную роль в продвижении китайских исследований Бахтина и расширении культурного обмена между Китаем и зарубежными странами. В том же году в Пекинском университете состоялся симпозиум, посвященный десятилетию Всекитайского общества М.М. Бахтина.

Очень скоро пройдет еще одно десятилетие. В череде юбилейных мероприятий, на фоне стремительного развития информационных технологий, диалог китайского академического сообщества с зарубежными коллегами становится все более удобным, частым и глубоким.

3. Заключение и обсуждение

В октябре 2023 г. в Университете Сунь Ятсена прошла международная конференция «Бахтин и современные гуманитарные науки: диалог, взаимодействие и интеграция». Этот год совпал с 60-летием выхода русскоязычного издания «Проблемы поэтики Достоевского», 40-летием публикации статьи Цянь Чжунвэня «Полифонический роман» и его теоретические проблемы», а также 40-летием с момента проникновения бахтинской теории в Китай. Рабочими языками конференции были китайский, русский и английский, что, как и прежде, подчеркивало ее международный характер.

Оглядываясь на развитие бахтиноведения в Китае, мы видим, что взаимодействие с зарубежными исследованиями неизменно играет важную роль. Перевод и введение этих научных работ в китайское академическое пространство — это не только попытка китайского сообщества интегрироваться в международные литературоведческие дискуссии и расширить свои исследовательские горизонты, но и конкретная практика кросс-культурного путешествия теории.

Перевод и восприятие зарубежных исследований способствуют тому, чтобы китайская академическая среда находилась на переднем крае науки, усваивала и адаптировала проверенные международные теоретические достижения. Это не только важный пример межкультурного академического обмена, но и ценный опыт для междисциплинарного подхода в гуманитарных исследованиях.

Тем не менее следует учитывать, что процесс перевода и восприятия зарубежных теоретических достижений не был лишен определенных вызовов, среди которых можно выделить ограничения дисциплинарных рамок, вопросы точности перевода, культурные различия и временные задержки в обновлении теоретического аппарата. Эти факторы оказали влияние на полноту и глубину восприятия и применения бахтинской концепции.

Например, теория Бахтина давно приобрела междисциплинарное значение, однако во внелитературных областях ее развитие и систематизация, похоже, еще не достигли должного уровня. Если рассмотреть темы проектов, финансируемых Национальным фондом общественных наук Китая, посвященных Бахтину, можно заметить, что они охватывают только две дисциплины: «Китайская литература» и «Зарубежная литература».

Эта ситуация, конечно, обусловлена структурными ограничениями. В настоящее время проекты Национального фонда общественных наук Китая обычно распределяются в соответствии с традиционными дисциплинарными границами и, как правило, отдают предпочтение областям с хорошо сформированными научными традициями и очевидной прикладной ценностью. Литературоведение, благодаря своей устоявшейся методологии и широкому академическому фону, стало одной из приоритетных исследовательских сфер.

Однако, на наш взгляд, с ростом междисциплинарных подходов понимание бахтинской теории в будущем может стать более многогранным, а ее применение расширится на новые области. Ученые должны стремиться преодолевать рамки чисто литературоведческого анализа и продвигать развитие бахтинской мысли в более широком междисциплинарном контексте.

Кроме того, в процессе введения международных бахтиноведческих исследований в Китай проекты, связанные с переводом междисциплинарных работ, часто сталкиваются с проблемами — примером тому может служить китайское издание монографии Хейнс. Путаница в терминологии и

языковые ошибки в переводе создают непреодолимые барьеры для понимания.

Как отмечено выше, в настоящее время большинство китайских исследователей Бахтина, а также переводчиков его научных трудов, имеют филологическое образование. Это соответствует глубине и масштабу распространения бахтинской теории в литературоведении, но применительно к междисциплинарным исследованиям выявляет и определенные ограничения. Так было в случае переводческих проектов в области искусствоведения. Несмотря на их активное развитие, отсутствие у переводчиков соответствующей академической подготовки, глубокого понимания бахтинских идей и точного владения его терминологией часто приводит к тому, что переводы не соответствуют необходимому научному уровню.

Этот факт отражает одну из ключевых проблем междисциплинарного исследования и перевода теоретических работ: нехватку системных знаний в смежных областях. Теория Бахтина изначально носит междисциплинарный характер, и ее применение в таких сферах, как визуальное искусство, философия и социология, требует от исследователей и переводчиков соответствующей академической подготовки.

Однако в определенной степени такая ограниченность является неизбежным аспектом человеческого культурного обмена, а возникающие трудности можно рассматривать как неотъемлемую часть живого бахтинского «диалога» о Бахтине:

«В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [11, с. 393].

Список литературы Исследования

- 1 凌建侯：《巴赫金小说理论：背景、线索与特色》，载《社会科学战线》2019年第5期，第188–197页。
 (Лин Цзяньхой. Теория романа Бахтина: контекст, основные направления и специфика // Социально-научная фронта. 2019. № 5. С. 188–197.)
- 2 凌建侯：《巴赫金哲学思想与文本分析法》，北京：北京大学出版社，2007。
 (Лин Цзяньхой. Философские идеи Бахтина и методы анализа текста. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2007. 314 с.)
- 3 刘康：《对话的喧声——巴赫金的文化转型理论》，北京：中国人民大学出版社，1995。
 (Лю Кан. Шум диалога — теории культурных трансформаций Бахтина. Пекин: Изд-во Народного ун-та Китая, 1995. 260 с.)
- 4 罗贻荣：《走向对话》，北京：中国社会科学出版社，2006。
 (Ло Ижун. На пути к диалогу. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук, 2006. 419 с.)
- 5 梅兰：《国外巴赫金研究概况》，载《外国文学研究》，2001年第4期，第117–121页。
 (Мэй Лань. Обзор зарубежных исследований Бахтина // Исследования зарубежной литературы. 2001. № 4. С. 117–121.)
- 6 牧野：《国外巴赫金研究一瞥》，载《文艺理论与批评》，1999年第4期，第128–132页。
 (Му Е. Зарубежное бахтиноведение: краткий обзор // Теория литературы и критика. 1999. № 4. С. 128–132.)
- 7 钱中文：《“复调小说”及其理论问题——巴赫金的叙述理论之一》，载《文艺理论研究》1983年第4期，第27–37页。
 (Цянь Чжунвэнь. «Полифонический роман» и его теоретические проблемы — один из аспектов теории повествования Бахтина // Исследования теории литературы. 1983. № 4. С. 27–37.)
- 8 夏仲翼：《陀思妥耶夫斯基的〈地下室手记〉和小说复调结构问题》，载《世界文学》1982年第4期，第105–115页。
 (Ся Чжунъи. «Записки из подполья» Достоевского и проблема полифонической структуры романа // Всемирная литература. 1982. № 4. С. 105–115.)
- 9 曾军：《巴赫金对当代西方文学理论的影响研究》，北京：社会科学文献出版社，2021。
 (Цзэн Цзюнь. Исследование влияния Бахтина на современную западную литературную теорию. Пекин: Изд-во социальной науки, 2021. 358 с.)
- 10 曾军：《接受的复调：中国巴赫金接受史研究》，桂林：广西师范大学出版社，2004。

(Цзэн Цзюнь. Полифония восприятия: исследование китайской истории восприятия Бахтина. Гуйлинь: Изд-во Гуансийского педагогического ун-та, 2004. 254 с.)

Источники

- 11 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- 12 Gardiner M. The Dialogics of Critique: M.M. Bakhtin and the Theory of Ideology. London; New York: Routledge, 1992. 258 p.
- 13 Haynes D.J. Bakhtin and the Visual Arts. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 240 p.
- 14 Holquist M. Dialogism: Bakhtin and His World. London; New York: Routledge, 1990. 204 p.
- 15 Jones M.V. Dostoyevsky: The Novel of Discord. New York: Barnes & Noble Books, 1976. 236 p.
- 16 Lodge D. After Bakhtin: Essays on Fiction and Criticism. London: New York: Routledge, 1990. 208 p.
- 17 Mikhail Bakhtin / ed. by Gardiner M.E. London: Sage Publications Ltd, 2003. 4 vols.
- 18 《巴赫金全集》，第7卷，钱中文主编，石家庄：河北教育出版社，1998–2009。
(Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. / гл. ред. Цянь Чжунвэнь. Шицзячжуан: Изд-во «Хэбэй Цзяюй», 1998–2009.)
- 19 北冈诚司：《巴赫金：对话与狂欢》，魏炫译，石家庄：河北教育出版社，2001。
(Китаока С. Бахтин: диалог и карнавал / пер. с яп. Вэй Сюань. Шицзячжуан: Изд-во «Хэбэй Цзяюй», 2001. 410 с.)
- 20 海恩斯：《解读艺术：巴赫金》，邱惠丽译，重庆：重庆大学出版社，2022。
(Хейнс Д. Интерпретация искусства: Бахтин / пер. с англ. Цюй Хуэйли. Чунцин: Изд-во Чунцинского ун-та, 2022. 175 с.)
- 21 《剪影与见证：当代学者心目中的巴赫金》，周启超编选，南京：南京大学出版社，2014。
(М.М. Бахтин глазами современных ученых / ред. Чжоу Цичао. Нанкин: Изд-во Нанкинского ун-та, 2014. 318 с.)
- 22 克拉克、霍奎斯特：《米哈伊尔·巴赫金》，语冰译，北京：中国人民大学出版社，1992。
(Кларк К., Холквист М. Михаил Бахтин / пер. с англ. Юй Бин. Пекин: Изд-во Народного ун-та Китая, 1992. 447 с.)
- 23 洛奇：《戴维·洛奇文论选集》，罗贻荣编译，北京：中国社会科学出版社，2018。
(Лодж Д. Критические труды Дэвида Лоджа / ред. Ло Ижун. Пекин: Изд-во Китайской академии социальных наук, 2018. 470 с.)
- 24 伦弗鲁：《导读巴赫金》，田延译，重庆：重庆大学出版社，2017。
(Ренфрю А. Введение в Бахтина / пер. с англ. Тянь Янь. Чунцин: Изд-во Чунцинского ун-та, 2017. 266 с.)

- 25 《欧美学者论巴赫金》，周启超主编，南京：南京大学出版社，2014。
(Западные ученые о Бахтине / ред. Чжоу Цичао. Нанкин: Изд-во Нанкинского ун-та, 2014. 402 с.)
- 26 《批评理论在俄罗斯与西方》，仁甫卢、吉哈诺夫编，汪洪章译，郑州：河南大学出版社，2016。315页。
(Теория критики в России и на Западе / ред. А. Ренфрю, Г. Тиханов, пер с англ. Ван Хунчжан. Чжэнчжоу: Изд-во Хэнаньского ун-та, 2016. 315 с.)
- 27 琼斯：《巴赫金之后的陀思妥耶夫斯基：陀思妥耶夫斯基幻想现实主义解读》，赵亚莉、陈红薇、魏玉杰译，长春：吉林人民出版社，2004。
(Джонс М. Достоевский после Бахтина: интерпретация фантастического реализма Достоевского / пер. с англ. Чжао Яли, Чэнь Хунвэй, Вэй Юйцзе. Чанчунь: Изд-во «Гилинь Жэньминь», 2004. 242 с.)
- 28 托多罗夫：《巴赫金、对话理论及其他》，蒋子华、张萍译，天津：百花文艺出版社，2001。
(Тодоров Ц. Бахтин, теория диалога и другие / пер. с фр. Цзянь Цзыхуа, Чжан Пин. Тяньцзинь: Изд-во «Байхуа Вэньи», 2001. 341 с.)
- 29 ミハイル ・ パフチン：《ミハイル ・ パフチン著作集》（全8巻），東京都：新時代社，1979-1988。
(Бахтин М.М. Собр. соч. Михаила Бахтина: в 8 т. Токио: Изд-во «Синдзидай», 1979-1988.)

References

- 1 Ling, Jianhou. "Teoriia romana Bakhtina: kontekst, kluch i osobennosti" ["Bakhtin's Theory of the Novel: Context, Clue, and Features"]. *Sotsial'no-nauchnaia fronta [Social Science Front]*, no. 5, 2019, pp. 188–197. (In Chinese)
- 2 Ling, Jianhou. *Filosofskie idei Bakhtina i metody tekstovogo analiza [Philosophical Ideas of Bakhtin and Methods of Textual Analysis]*. Beijing, Peking University Publ., 2007. 314 p. (In Chinese)
- 3 Liu, Kang. *Shum dialoga — teorii kul'turnykh transformatsii Bakhtina [The Noise of Dialogue — Bakhtin's Theories of Cultural Transformations]*. Beijing, Renmin University of China Publ., 1995. 260 p. (In Chinese)
- 4 Lo, Yirong. *Na puti k dialogu [On the Way to Dialogue]*. Beijing, Chinese Academy of Social Sciences Publ., 2006. 419 p. (In Chinese)
- 5 Mei, Lan. "Obzor zarubezhnykh issledovaniï Bakhtina" ["Overview of Foreign Research on Bakhtin"]. *Issledovaniia zarubezhnoi literatury [Studies of Foreign Literature]*, no. 4, 2001, pp. 117–121. (In Chinese)
- 6 Mu, Ye. "Vzgliad na zarubezhnye issledovaniia Bakhtina" ["A View on Foreign Research on Bakhtin"]. *Teoriia literatury i kritika [Theory of Literature and Criticism]*, no. 4, 1999, pp. 128–132. (In Chinese)
- 7 Qian, Zhongwen. "'Polifonicheskii roman' i ego teoreticheskie problemy — odin iz aspektov teorii povestvovaniia Bakhtina" ["'Polyphonic Novel' and Its Theoretical Problems — One Aspect of Bakhtin's Narrative Theory"]. *Issledovaniia teorii literatury [Studies in the Theory of Literature]*, no. 4, 1983, pp. 27–37. (In Chinese)
- 8 Xia, Zhongyi. "'Zapiski iz podpol'ia' Dostoevskogo i problema polifonicheskoi struktury romana" ["'Notes from Underground' by Dostoevsky and the Problem of the Polyphonic Structure of the Novel"]. *Vsemirnaia literatura [World Literature]*, no. 4, 1982, pp. 105–115. (In Chinese)
- 9 Zeng, Jun. *Issledovanie vliianiia Bakhtina na sovremennuiu zapadnuiu literaturnuiu teoriu [Study of Bakhtin's Influence on Contemporary Western Literary Theory]*. Beijing, Social Science Publ., 2021. 358 p. (In Chinese)
- 10 Zeng, Jun. *Polifoniia vospriiatiia: issledovanie kitaiskoi istorii vospriiatiia Bakhtina [Polyphony of Perception: A Study of the Chinese History of Bakhtin's Reception]*. Guilin, Guangxi Pedagogical University Publ., 2004. 254 p. (In Chinese)